

ПУТЕШЕСТВИЯ
В ВСТРЕЧИ
ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ГОНКОНГЕ

ИВ ГЭНДОН

В ШУМЕ цветного Гонконга мне удалось обрести известное душевное равновесие. Я научился довольно прилично говорить на кантонском наречии. Это дало возможность почти свободно общаться с населением, и я подружился с одним старым китайцем, белобородым, в фетровых туфлях, длинной одежде небесно-голубого цвета, в черной шапочке и с зонтиком в руках. Его звали Чу.

Я познакомился с ним в тот день, когда однажды отправился обедать в один из двух плавучих ресторанов, стоящих посреди Эбердинской бухты. Это были сооружения, разрисованные различными драконами из преданий стран Дальнего Востока, освещенные разноцветными фонариками и рассчитанные на то, чтобы завлечь туристов экзотикой, приписав ее стоимость к их ресторанному счету. Для привлечения любителей имелись даже специальные на жалованье и специально подобранные очень красивые перевозчицы.

В этот вечер с набережной должны были пускать ракеты, к которым китайцы, выдумавшие их, не могут остаться равнодушными. За соседним столиком как раз сидел господин Чу и проворно управлялся своими палочками. Когда первые ракеты озарили темноту ночи, мы с ним встретились взглядами. Он улыбнулся, и я счел возможным обратиться к нему по-китайски, сказав:

— Какой прекрасный вечер!

Желая быть со мной вежливым, он ответил мне по-английски:

— Действительно, очень приятный.

Между нами завязался разговор, и через час мы были уже лучшими друзьями, настолько, что решили закончить вечер партией в ма-джонг.

Я люблю эту игру, состоящую из множества разнообразных комбинаций. Играя в нее, китайцы обнаруживают неожиданную страсть, упорство и изворотливость. Между господином Чу и мной постепенно установились привычные связи. Каждую субботу я шел к нему в Эбердин, и, попивая чашку

за чашкой зеленого чай в одном из заведений порта, где подают только этот напиток, мы щелкали костяшками из слоновой кости, на которых были изображены цветы, различные кружочки, бамбук и иероглифы четырех ветров из четырех стран света. Обычно господин Чу выигрывал четыре партии из пяти, но старался не задеть моего самолюбия и никогда не подчеркивал своего превосходства. После окончания партии, выиграв, Чу говорил мне с видом сожаления:

— Уважаемый француз, это не моя заслуга. Мы же играем в китайскую игру, не так ли?

Однажды он доказал мне свое дружеское расположение. Прошло шесть месяцев, как мы были знакомы, а я понятия не имел ни о его прошлом, ни о том, как он проводит остальное свое время. Нужно отдать ему должное, господин Чу также не проявлял никакого интереса к тому, чем я занимаюсь, и, зная его характер, я понимал, что делается это не из-за равнодушия, а из деликатности. Каждый свободен в своих признаниях, не так ли? Поэтому невежливо стараться вызвать человека на откровенность.

Таким образом, наши отношения как бы установились, поэтому тем более я удивился, когда, войдя однажды в сентябре в наш чайный домик, услышал от него:

— Сегодня, мой уважаемый друг, если вы пожелаете оказать мне эту высокую честь, я хочу пригласить вас посетить мое скромное жилище, хотя оно совершенно недостойно, чтобы принять такого человека, как вы. Надеюсь, вы будете ко мне снисходительны.

Должен заметить, что накануне, в субботу, мы не виделись, так как в этот день на север острова обрушился тайфун «Александра», причинивший большой ущерб.

После того как я принял приглашение, выразив в соответствующей форме всю глубину своей признательности, господин Чу продолжал:

— Вы вполне, друг мой, могли меня больше и не увидеть. Мой дом стоит на воде, и я был в полной уверенности, что ужасный тайфун раздавит его, как это было с соседней джонкой, а мое жалкое тело пойдет в пищу рыбам, которые в этот день были более, чем сыты.

Отрывок из рассказа Ива Гэндона «Странник», опубликованного в его сборнике «Лотос, рожденный из грязи».

Мы вышли на пристань, и он подошел одну из перевозчиц. Это была высокая стройная девушка, одетая в сам-фу¹ блекло-зеленого цвета. У нее было тонкое лицо с прекрасными миндалевидными глазами, скрытыми под тенью широкополой соломенной шляпы.

— Мадемуазель Лили, — сказал он.

Девушке, пожалуй, не было и двадцати, что, однако, не мешало ей довольно легко, во всяком случае без видимого усилия, управлять тяжелым веслом, крепко держа его руками, одетыми в кожаные перчатки. Мадемуазель Лили, вероятно, имела стальные мускулы.

— Ко мне домой, — приказал ей господин Чу.

По дороге я подумал, что Лили, наверное, живет по соседству с господином Чу в сампане, где помещается вся ее семья: отец, мать, дяди, тетки, братья и сестры, которых у нее, должно быть, не менее двадцати. Кроме того, состав ее семьи подвержен периодическим изменениям: на свет появляются новые члены, которые, примостившись за спинами представителей старшего поколения, вполне довольны своей судьбой.

— Такая плодovitость наших женщин — проклятие для Китая, сэр, но что поделать с человеческой природой? Мудрость здесь бессильна.

Тем временем Лили ловко пробиралась между колониями сампанов, насчитывающими до 100 и более лодок. Между сампанами, несмотря на тесноту, все же сохранялось расстояние в два-три метра, и, проезжая как бы по узким улочкам внутри большой колонии-города, мы ощущали терпкий запах, исходящий от этих лодок-домов.

Лодка пристала к сампану, который выглядел гораздо лучше соседних.

— Подожди здесь, — сказал господин Чу. — Через час или два ты отвезешь моего гостя обратно.

На борт сампана я поднялся по болтающемуся в воде трапу. Господин Чу толкнул дверь, сделанную из грубо отесанных досок, и я увидел, что за ней скрывается другая из тщательно, до зеркального блеска, отполированного эбенового дерева с инкрустированным посредине золотым знаком долголетия. Я спустился на три ступени вниз и очутился в удлиненной комнате, слабо освещенной чеканным медным фонарем продолговатой формы. Пол устилал драгоценный ковер розового, желтого и голубого тонов, на котором в сказочных облаках парили причудливо переплетенные когтистые драконы с торчащими султанами. В комнате стояли две ширмы редкой работы. На одной были изображены поросшие лесом горы, окружающие озеро, речки с висячими мостиками, на другой — дома с маленькими фигурками людей. Низкие столики с серповидными ножками представляли собой также настоящее произведение искусства: их украшали мифические фарфоровые львы бирюзового цвета, инкрустации из эмали, изображающие химер и каменю, на который в раздумье оперлась богиня милосердия. В глубине комнаты горела лампа, перед разостланной циновкой стоял поднос с серебряным горшочком, в котором были шарики опиума, специальные иглы и две трубки.

Такая роскошь в сампане, который по существу ничем не отличался от стоящих рядом, где люди жили лишь чашкой риса в день, почему-либо непроданной рыбой и несколькими чашками чая, поразила меня.

— Я вижу на вашем лице удивление, мой высокий друг, — сказал господин Чу. — Здесь, однако, вы видите лишь жалкие остатки состояния, которое не было незначительным. Вы курите?

— Простите, нет.

Он не стал настаивать и ударил в маленький бронзовый гонг. Совсем молодая женщина, гибкая как змея в своем узком платье из малинового шелка, вошла и поклонилась, скрестив руки у шеи. Длинная черная коса спускалась у нее по спине.

Лицо господина Чу озарилось радушной улыбкой.

— Что вы будете пить? Ча²? Или вам подать желтое вино и закуски?

— Желтое вино, если это вас не затруднит.

Он сделал знак, молодая женщина тихо вышла, а господин Чу улегся на циновке.

Я присел рядом с ним, а он начал готовить себе порцию опиума.

— Та, что вы видели, — моя четвертая жена. Ее главное назначение радовать меня своим видом. Две первые умерли. Третья занимается домом.

Женщина вернулась с подносом, на котором стояла бутылка желтого вина, приготовляемого из риса. На тарелочках лежали тончайшие печенье розового цвета, выпеченные из рисовой муки, лепестки магнолии и изысканное блюдо, называемое нго, которое готовят из корней лотоса.

— Вы мне кажетесь разумным человеком, — заявил господин Чу, — а я иногда боюсь, что потерял правильное представление о вещах. К сожалению, жизнь в большой мере содействовала этому. Я почти полвека прожил в Кантоне. Как старший сын в семье гражданского чиновника высшего ранга, я закончил свое традиционное образование в 1917 году, когда Сунь Ят-сен был назначен генералиссимусом и выступил против правительства Пекина. Несмотря на то, что я не люблю военных, я сражался вместе с ним как его офицер. В знак благодарности он даже хотел назначить меня губернатором провинции, но я отказался. После смерти Сунь Ят-сена в 1925 году я тоже морально умер и лишь в качестве наблюдателя смотрел, как распадалась на части моя страна. Обман, взятки, организованная часть моя страна. Народ умирал с голоду, а генералы набивали себе карманы. Я же опустошал свои. Представьте себе, я читал Толстого, и я ни о чем не жалею. Я открыл народные столовые, где бесплатно кормили всех, кто приходил. Так я истратил половину своего состояния. Затем началась вторая мировая война. Чан Кай-ши был разгромлен. Он хотел меня сделать министром, зная о том, как я популярен в своем районе. Я отклонил его предложение, и за пятнадцать дней до прибытия войск Мао, реализовав остатки своего состояния, все, что я мог собрать, выбрав ночь потемнее, я поднял якорь своего сампана и спустился вниз по Жемчужной реке. Это было нелегкое предприятие, но мне повезло: через сутки я был в Эбердине. Отсюда я уже нигде не трогался.

Господин Чу выкурил чуть ли не двадцать трубок, я тоже выпил достаточно много чашечек желтого вина и решил откланяться. Когда я вышел, стало совсем темно. Лили меня поджидала. На корме и на носу ее лодки было зажжено по красному фонарю. В темном небе таинственно мерцали звезды, в слабом свете фонарей можно было различить колеблющийся силуэт плавающего города. Лили молча гребла. Она сняла свою шляпу, и про-

¹ Сам-фу — национальная одежда китайцев.

² Ча — сорт рисовой водки.

езжая мимо освещенных джонок, я видел ее по-прежнему неподвижное лицо.

Про нее нельзя было сказать, что она необыкновенно красива. Но в ней как бы воплотился типичный образ азиатской женщины, который меня всегда волновал: гармоничные линии тела, тонкие кисти рук, непередаваемая нежность кожи, таинственное мерцание глаз.

В течение двух недель ежедневно я приходил на пристань к лодке Лили. Она еще издали встречала меня взглядом и, когда я прыгал в лодку, приветствовала меня легким наклоном головы, совершенно не изменяя при этом выражения своего лица. Мы ездили всегда по одному и тому же маршруту. Мне хотелось уйти подальше от сампанов плавучего города. Когда мы выходили в открытое море, и нас начинало покачивать на волнах, я просил Лили немного отдохнуть и присесть на скамейку. Она прекращала грести, но никогда не садилась и стояла в лучах заходящего солнца с руками на веслах, подобно деревянному изваянию.

Только на пятый или шестой день она согласилась наконец сесть со мной рядом. То ли потому, что ей нечего было мне сказать, а, может быть, оттого, что она не доверяла иностранцу, она была со мной до странности молчалива; лишь с трудом я узнал от нее, что она родилась в Эбердине, на сампане, где живет вся ее семья, и все время прожила там; она не умеет ни читать, ни писать; жениха у нее нет. Больше мне ничего не удалось от нее добиться. В этот вечер Лили рассказала мне, что еще она иногда ходит в пагоду, там она сжигает ароматную палочку, и после того как специальный писец нанесет ее пожелания на ленту бумаги красного цвета, сжигает эту ленту в чане, где поддерживается непрерывный огонь. Дым, который при этом поднимается в небо, передает ее желания охраняющим ее предкам.

— А о чем же вы их просите, Лили?

Она наклонила голову, ничего не ответив. Моя нескромность, по-видимому, обидела ее: она встала и вновь взялась за весло.

Через три или четыре дня после этого разговора она, как и прежде, сидела рядом со мной, и, когда солнце, опускаясь в море, окрашивало, прежде чем окончательно исчезнуть, воду в изумительные фиолетовые тона, я осмелился взять ее за руку. На ее руках по-прежнему были грубые кожаные перчатки. Одну из них я медленно снял. Несмотря на тяжелую работу, кожа на руке была нежной и мягкой, как брюшко у птицы. Трепет охватил меня. Девушка оставалась холодна. Стремясь растопить ее холодность, я спросил:

— Могли бы вы полюбить белого человека, который будет любить вас?

Ее ресницы дрогнули. Она повернулась и пристально посмотрела на меня. Затем совершенно неожиданно она положила голову мне на плечо. Ее волосы, распространявшие легкий аромат, щека котили мою щеку. Было ли это согласие, признание, наконец? Мое волнение достигло предела. Я ждал. Может быть, не нужно было молчать? Я только сжал ее в моих объятиях. Она мягко освободилась, поднялась и заняла свое место на носу лодки. Настала ночь, и сильный бриз погнал нашу лодку к берегу. Больше мы не произнесли ни слова.

Так прошли две недели. Однажды, в пятницу вечером, на набережной, в момент, когда я прощался с Лили, ко мне подошел китаец.

— Меня зовут Юан, — сказал он.

Я вопросительно взглянул на лодчицу, на лице которой отразилось некоторое смущение.

— Это мой брат, — пробормотала она.

— Я вижу, что моя сестра не говорила вам обо мне, — подхватил парень. — Напрасно! Правда, вместо этого она говорила мне о вас. Наша семья очень спаянна и чрезвычайно чувствительна в вопросах чести. Если, например, наш уважаемый отец знал бы, что его дочь поддерживает регулярные отношения с иностранцем, он, не колеблясь, убил бы ее.

— Господин Юан, — сказал я ему, — поздравляю с такой очаровательной сестрой, но боюсь, что на мой счет вы заблуждаетесь. Что вы от меня хотите? Я всего лишь клиент мадемуазель Лили.

Он презрительно засмеялся.

— В прошлом году один англичанин разговаривал со мной так же, как вы. Я не знаю, как это произошло, но его труп был найден в заливе, и выглядел он совсем не блестяще.

— Господин Юан, — ответил я, — у вас слишком яркое воображение, а ваш англичанин меня совершенно не интересует. Между вашей сестрой и мной ничего не произошло. Если у меня и были какие-то намерения на ее счет, эти намерения были честными, и я не преминул бы поставить в известность вашего почтенного отца.

— Господин Дюваль, — сказал он (ему было известно мое имя), — у нас здесь считают, что намерения, о которых заранее ничего не известно, могут быть только плохими. Вы скомпрометировали мою сестру. Ваше счастье, что вы мне нравитесь и у меня сейчас как раз денежные затруднения, временные, конечно. Докажите мне вашу искренность и помогите мне. Тысяча долларов меня устроит.

С подобным типом разговаривать было нечего. Я никогда не ездил в Эбердин безоружным. Я вытащил свой револьвер и взвел курок, как в лучших ковбойских фильмах.

— Ваши доводы меня трогают, господин Юан. Но вы видите, что и умения есть аргументы, которые тоже не лишены основания. Я предлагаю вам убраться и поскорей. Считаю до трех. Раз... Два...

Мой револьвер был направлен на него. Бессильная ненависть блеснула в его глазах, он ушел, а я сел в свою машину.

После моего визита к господину Чу, я его больше не видел. На другой день после происшествия в порту была суббота, и я пошел в чайный домик. Я достаточно хорошо знал людей его нации и понимал, что он никогда не задаст мне вопроса, который мог бы показаться мне неприятным. В молчании мы начали играть. Он меня буквально разгромил, как обычно, словно прося извинить его, сослался на везение. Я начал рассказывать ему о своем романе с Лили. Он слушал меня, не перебивая и, когда я кончил, с огорченным видом покачал головой.

— Увы! Высокий друг, я вижу, что мне придется отказаться от привычки, которая стала мне уже дорога. Если я вас правильно понял, вы просите у меня совета. Я могу вам дать только один — как можно скорее уехать из Гонконга.

— Зачем же?

— Затем, мой дорогой товарищ, что ваша жизнь в опасности. Вы, наверное, слышали о мафии, которая нагло использует экстерриториальность Гонконга. В эту организацию входят не только авантюристы, торговцы опиумом и другие темные личности, из тех, кто легко хватается за пистолет. Здесь действуют также и агенты Мао, которые шантажируют честных торговцев, не имеющих возможности защититься. К какой группе принадлежит брат Лили?

Мне трудно сказать, но ясно, что он не из тех, кто страдает угрызениями совести и, раз вы не поддались шантажу, они вас, употребляя их выражение, ликвидируют.

Я рассказал ему об англичанине. Он пожал плечами.

— Об этом много говорили в прошлом году. Это был чиновник колониальной администрации, красивый малый, холостяк. Я его несколько раз видел с Лили. Он был не так тверд, как вы, и уступил Юану. Однако требования этого мошенника становились все более наглыми, а влюбленный, ничего не получив от девицы, начал сердиться. Через несколько дней его труп нашли в канале для нечистот. Он был убит ударом в спину.

— А Лили? Значит, она соучастница?

— Как знать, о чем думает женщина. Китайка — во всяком случае здесь, где сохранились феодальные традиции, — рабыня своей семьи. Может ли она привязаться к иностранцу? Тайна! Если бы вы похитили Лили, возможно, вы были бы счастливы. Вы были бы удивлены тем, что она следует за вами всюду, как собака. И я утверждаю, что это было бы не из любви, — любовь, возможно, пришла бы позже, если бы вы оказались достойны ее, — это было бы от того, что жизнь лодочницы

из Эбердина достаточно тяжела. Но сейчас слишком поздно.

— Могу я ее по крайней мере увидеть?

— Бойтесь этого, как чумы! После разговора с ее братом, если вы останетесь в Гонконге, ваши дни сочтены. Имейте в виду, что им наверняка известен ваш адрес, ваши связи, а, может быть, даже и номер вашего счета в банке. На следующий же день ваши приметы будут сообщены всем членам банды. Поверьте мне, воздух этой колонии вреден для вас. Наймите личного телохранителя, пусть он не отходит от вас до самого момента вашего отъезда. И самое главное — уезжайте как можно скорее.

Господин Чу не был человеком, который говорит пустяки. Я в замешательстве поблагодарил его и немедленно сел в машину. Чайный домик находился на самой границе территории порта. Проехав несколько сот метров, я остановился у причала. Наступал вечер, несколько хороших лодочниц привлекали клиентов для плавучего ресторана. Лили среди них не было. Я резко дал газ.

Перевел с французского
Ю. Дементьев

Гонконг. Конкуренты.

Фото ТАСС

